

Н. В. Гоголь

**Ганц Кюхельgarten. Вечера на
хуторе близ Диканьки**

Полное собрание сочинений. Том 1

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Н. В. Гоголь

Ганц Кюхельgarten. Вечера на хуторе близ Диканьки: Полное собрание сочинений. Том 1 / Н. В. Гоголь – М.: Книга по Требованию, 2011. – 258 с.

ISBN 978-5-4241-3098-4

Талант великого русского писателя Н.В.Гоголя самобытен и разнообразен. Он пленяет читателя богатством языка и украинским колоритом в "Вечерах на хуторе близ Диканьки", завораживает фантастикой петербургских повестей, заставляет смеяться в "Ревизоре" и "Мертвых душах".

ISBN 978-5-4241-3098-4

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Николай Васильевич Гоголь
Полное собрание сочинений в
четырнадцати томах
Том 1. Ганц Кюхельгартен.
Вечера на хуторе близ
Диканьки

Н. В. Гоголь. Портрет А. А. Иванова, 1841 г. (масло). Русский Музей (Ленинград).

От редакции

Потребность в полном научно-критическом собрании сочинений и писем Н. В. Гоголя назрела давно. Такое издание (всех сочинений и всех писем) не было осуществлено еще ни разу, а существовавшие до сих пор издания сочинений отдельно и писем отдельно уже не могут быть признаны полными, так как в них не вошел ряд позже найденных текстов и писем.

За советский период было сделано многое для изучения гоголевского текста, но сделано это было только на материале избранных произведений Гоголя. Полное собрание сочинений Гоголя издается за советский период впервые, так же как и полное собрание его писем.

Советские ученые, редактирующие Гоголя, находятся в неизмеримо более благоприятных условиях, чем ученые дореволюционной поры. Им доступны все рукописи Гоголя, почти без исключения находящиеся в государственных архивохранилищах. Советским ученым доступен ряд документальных материалов, скрытых раньше в недоступных архивах; они имеют полную возможность укрепить гоголевский текст от всякого рода цензурных искажений.

Вместе с тем именно в условиях советской культуры и советской науки стало возможным развитие подлинно-критической текстологии, стремящейся не к механической передаче буквы подлинника и внешности рукописи, а к осмысленному изучению творческого процесса. Эти общие принципы советской текстологии легли в основу и настоящего издания. Но изучение гоголевского текста связано с особыми трудностями. Наиболее сложен здесь вопрос об установлении окончательного текста тех произведений, которые печатались при жизни Гоголя.

Гоголь работал над своими произведениями долго и с исключительной тщательностью. Первые книги Гоголя — „Ганц Кюхельгартен“ (1829), два издания „Вечеров на хуторе близ Диканьки“ (1831–1832 и 1836 гг.), „Арабески“ (1835), „Миргород“ (1835) и „Ревизор“ (1836), а также всё напечатанное к этому времени в журналах и альманахах — печатались еще под непосредственным наблюдением самого Гоголя. Лично наблюдал Гоголь и за печатанием „Мертвых душ“: Гоголь был в это время в Москве, где „Мертвые души“ печатались, и по свидетельству С. Т. Аксакова занимался корректурами, „в которых он не столько исправлял типографические ошибки, сколько занимался переменою слов, а иногда и целых фраз“. В совершенно иных условиях печаталось первое собрание сочинений Гоголя 1842 г. (фактически вышедшее в начале 1843-го). Оно печаталось в Петербурге летом и осенью 1842 г. под наблюдением Н. Я. Прокоповича. Гоголь дал Прокоповичу самые широкие полномочия исправлять свой язык и стиль, в правильности которых он не был уверен. Он писал Прокоповичу из Гастейна 27 (15) июля 1842 г.: „При корректуре второго тома прошу тебя действовать как можно самоуправней и полновластней: в Тарасе Бульбе много есть погрешностей писца. Он часто любит букву *и*; где она не у места, там ее выбрось. В двух-трех местах я заметил плохую грамматику и почти отсутствие смысла. Пожалуйста, поправь везде с такою же свободою, как ты переправляешь тетради своих учеников. Если где частое повторение одного и того же оборота периодов, дай им другой, и никак не сомневайся и не задумывайся, будет ли хорошо — всё будет хорошо“.

Если обвинение писца в данном случае и было напрасным (см. комментарий к „Тарасу Бульбе“), несомненно всё же, что Гоголь передал Прокоповичу недостаточно проверенные копии. Об этом писал сам Прокопович — Шевыреву: „Беда мне не с Миргородом, а с рукописными сочинениями: в них чего не разобрал и пропустил переписчик, так приятель наш и оставил, а я должен пополнять по догадкам“.¹ Под „рукописными сочинениями“ Прокопович разумел, кроме новой редакции „Тараса Бульбы“, — „Шинель“, а также почти весь четвертый том — драматические произведения, где „Ревизор“ был заново переработан, а всё остальное (кроме только „Утра делового человека“) печаталось впервые.

Наибольшая доля участия Прокоповича сказалась в правке гоголевского языка и стиля. Прокопович подошел к своей задаче с большой добросовестностью, несомненно учитывая при этом, что „неправильность“ гоголевского языка была одним из важных аргументов в борьбе реакционной критики против Гоголя. Прокопович понял свою задачу как исправление не только орфографии, не только пунктуации, не только отступлений от общепринятых грамматических норм, но и как исправление стиля. Он изменял порядок слов, казавшийся ему необычным; вводил новые слова, если они, как казалось ему, требовались логикой фразы; заменял слова, сомнительные с точки зрения языкового пуризма и даже с точки зрения своеобразно понимаемых приличий (так, напр., слово „нужно“ систематически заменялось словами „надобно“, „над“).

Если бы к вопросам текста возможно было подходить формально-юридически, следовало бы признать, что текст, отредактированный Прокоповичем, как санкционированный Гоголем, является наиболее законным текстом. Но редакторы Гоголя, начиная с редактора первого научно-критического издания — Н. С. Тихонравова, стали на другую точку зрения, признав необходимым поправки Прокоповича снять как не гоголевские (исправления явных опечаток и опечаток, разумеется, были оставлены). Разница между отдельными редакторами была только в том, что одни были в этом отношении более последовательны, другие — допускали сохранение известной категории поправок. Впрочем, даже с точки зрения формального соблюдения „авторской воли“, издание 1842 г. не может считаться вполне авторизованным. В письме от 24 сентября 1843 г. Гоголь, хотя и не обвиняя Прокоповича прямо, давал понять ему, что недоволен изданием: „Издание сочинений моих вышло не в том вполне виде, как я думал, и виною, разумеется, этому я, не распорядившись аккуратнее“. После жалоб на внешность издания и бумагу Гоголь продолжает: „Издано вообще довольно исправно и старательно. Вкрались ошибки, но, я думаю, они произошли от неправильного оригинала и принадлежат писцу или даже мне. Всё, что от издателя, то хорошо, что от типографии — то мерзко. Буквы тоже подлые. Я виноват сильно во всем. Во первых, виноват тем — ввел тебя в хлопоты, хотя тайный умысел мой был добрый. Мне хотелось пробудить тебя из недвижности и придвинуть к деятельности книжной; но вижу, что еще рано...“

В 1850 г. Гоголь задумал новое издание своих сочинений, в пяти томах. Пятый том должно было составить новое, исправленное издание „Выбранных мест из переписки с друзьями“, частью сокращенное, частью дополненное статьями „Арабесок“ и неизданными статьями. По замыслу Гоголя, пятый том должен был „составить в себе“ — все „теоретические понятия“ его „о литературе и об искусстве и о том, что должно двигать литературу нашу“. (Набросок предисловия к

пятому тому; см. т. VIII настоящего издания, также „Сочинения Гоголя“, 10 изд., т. I, стр. XXII–XXIII). Что касается четырех первых томов, то состав их предполагался прежний, с некоторыми только „переменами“.² Но затем мысль о „переменах“ была отброшена из боязни новых цензурных репрессий: „Еще пойдет новая возня с цензорами“ — писал Гоголь Плетневу в цитированном письме — „бог с ними“.

Организацию издания Гоголь в конце 1850 г. поручил Шевыреву. Сам он был в то время в Одессе и вернулся в Москву только к 5 июня 1851 г. Цензурное разрешение на издание к этому времени еще не было получено,³ и его удалось добиться только к 10 октября 1851 г. Тогда же было приступлено к набору — одновременно в трех типографиях. Издание набиралось с печатного текста издания 1842 г., при чем первые корректуры читались С. П. Шевыревым и М. Н. Лихониным, а последняя — самим Гоголем, и в нее вносились авторские поправки.

В истории этого издания много неясного. Так, не вполне ясна роль в нем Шевырева и Лихонина. М. Н. Лихонин, сотрудник „Москвитянина“ (поэт и переводчик), мог быть предложен Шевыревым Гоголю как знаток русской грамматики и правописания (он был автором книг „Русская грамматика“ и „О правописании иностранных слов в русском языке“), — то есть предложен на ту же роль, которую, в порядке дружеского одолжения, исполнял в первом издании Прокопович.⁴ Об этом говорят и образцы той правки Лихонина, которая была документально установлена Тихонравовым. Поэтому есть основания приписать Лихонину или другим сотрудникам Гоголя ту правку, аналогичную правке Прокоповича, которая встречается в этом издании.

Гоголь работал над корректурами до начала февраля 1852 г., то есть до самой своей предсмертной болезни. Работа была им прервана на девятом листе первого тома („Ночь перед Рождеством“), девятом листе второго тома („Тарас Бульба“), тринадцатом листе третьего тома („Записки сумасшедшего“) и седьмом листе четвертого тома („Ревизор“).⁵ Подводя итоги работе Гоголя над новым изданием, можно говорить не о новых редакциях, и даже не о систематической правке, а только — об отдельных поправках. И вопрос об учете второго издания при выработке окончательного текста значительно сложнее, чем вопрос о правке Прокоповича в первом издании, уже потому, что нельзя с уверенностью утверждать, какие из поправок этого издания принадлежат Гоголю и какие — его сотрудникам.

Смерть Гоголя прервала начатое издание, а продолжать его после смерти Гоголя нельзя было уже по причинам цензурного порядка. Правительство, напуганное сначала книгой Герцена „О развитии революционных идей в России“ (1851), где отмечена была революционизирующая роль сочинений Гоголя, затем — грандиозными манифестациями при похоронах Гоголя, относилось с опаской ко всему, что было связано с именем Гоголя. Об издании собрания его сочинений не могло быть и речи. Хлопоты о возобновлении издания, которые вел сначала Шевырев, затем племянник Гоголя Н. П. Трушковский, — были в течение долгого времени безрезультатны. Только 2 июня 1855 г. (уже при Александре II) разрешение было получено, и к концу года второе издание сочинений Гоголя (обычно называемое „изданием Трушковского“) было доведено до конца.

Трушковский не ограничился допечаткой и выпуском в свет четырех томов, начатых при жизни Гоголя, но присоединил к ним два новых тома (1856). В том

пятый вошли статьи из „Арабесок“, статьи из „Современника“, „Отрывок неизвестной повести“ (то есть начальные главы „Гетьмана“), „Развязка Ревизора“ и „Отрывок из «Мертвых душ»“ (окончание 9-й главы в переделанном виде). В том шестой вошли „Выбранные места из переписки с друзьями“ и „Юношеские опыты“ („Ганц Кюхельгартен“, „Италия“, „Страшный кабан“ и „Женщина“).

Н. Г. Чернышевский в рецензии на два последних тома издания Трушковского отметил, что в него не вошли *рецензии* Гоголя (рецензии, напечатанные в „Современнике“, о чем можно было заключить по данным Кулиша, и рецензия в „Москвитянине“, на которую указал Г. Геннади в библиографическом списке сочинений Гоголя). Рецензии эти не вошли и в следующее издание Кулиша. Что касается упоминаемого Чернышевским письма к Щепкину о постановке „Дядьки в затруднительном положении“, то пропуск его не мог быть поставлен в вину Трушковскому, так как письма в это издание вообще не входили.

Кроме собрания сочинений Гоголя, Трушковский еще в 1855 г. выпустил отдельной книгой „Сочинения Н. В. Гоголя, найденные после его смерти“ (ценз. разр. 26 июля 1855 г.) — то есть сохранившиеся главы второго тома „Мертвых душ“ и „Авторскую исповедь“. Трушковский предполагал и дальше работать над сочинениями своего дяди, замышляя дать в нем на ряду с основным текстом также и другие редакции. „При другом полном собрании его сочинений — писал Трушковский в предисловии к тому V своего издания — все изменения и переделки, которые так часто встречаются у Гоголя, будут указаны“... Психическое заблуждение помешало Трушковскому осуществить эти планы. Дело издания сочинений Гоголя перешло к биографу Гоголя, П. А. Кулишу.

Еще в 1854 г. П. А. Кулиш, не имевший тогда возможности выступать легально, выпустил — под псевдонимом Николая М. — „Опыт биографии Н. В. Гоголя со включением до сорока его писем“. В 1856 г. расширенное издание этой биографии появилось (за той же подписью) под заглавием „Записки о жизни Н. В. Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем“. „Записки Кулиша“ долгое время были единственной биографией Гоголя; но и до настоящего времени они не утратили значения биографического первоисточника, так как Кулиш основывался на показаниях лиц, близких Гоголю: Н. Я. Прокоповича, П. А. Плетнева, С. Т. Аксакова, М. А. Максимовича, А. О. Смирновой и др. и широко использовал письма Гоголя к ним, а также к матери и сестрам. В тексте „Записок“ Кулиша впервые были напечатаны „Ночи на вилле“, в приложении к „Запискам“ — драма „Альфред“, а также два классных сочинения Гоголя и несколько его заметок. В 1857 г. вышло шеститомное собрание „Сочинений и писем Гоголя“, редактированное Кулишом. Самостоятельной работы над гоголевским текстом Кулиш не производил; первые четыре тома (сочинения) были основаны на издании Трушковского, но в собрание включены были „Мертвые души“, и кроме того — ранние редакции „Тараса Бульбы“, „Портрета“ и второго тома „Мертвых душ“. Включены были и отрывки начатых повестей. Но главное значение в истории изучения Гоголя имели два последних тома издания Кулиша, содержавшие письма Гоголя. Это первое собрание гоголевских писем оставалось на протяжении всего XIX века и единственным. В издание вошло около 800 писем Гоголя, воспроизведенных по большей части по подлинникам и притом весьма исправно. К сожалению, Кулиш был вынужден сделать ряд пропусков в тексте писем — частью по требованиям цензуры, частью по

настоянию владельцев писем и прежде всего — сестры Гоголя, А. В. Гоголь. По тем же соображениям ему пришлось зашифровать ряд имен адресатов Гоголя и упоминаемых им лиц.

Издание Кулиша (на которое замечательной статьей откликнулся Н. Г. Чернышевский) имело первостепенное значение для своего времени. Дальнейшие издания выпускались в свет наследниками Гоголя (т. е. сестрами и мужем одной из них, В. И. Быковым) на основе издания Кулиша. Из этих изданий известное значение имеет только второе (1867 г.), отредактированное Ф. В. Чижовым, так как при перепечатке „Выбранных мест“ в нем были восстановлены статьи, запрещенные в 1847 г. цензурой, и отдельные цензурные купюры; были сделаны попытки и некоторых других исправлений.

Следующим этапом издания сочинений Гоголя и одновременно — значительнейшим этапом его изучения было *десятое* издание его сочинений, задуманное и осуществленное его редактором, Н. С. Тихонравовым, как полное научно-критическое собрание всех сочинений Гоголя (собрание писем не имелось в этом издании в виду).

По первоначальному плану Тихонравова, всё собрание сочинений должно было составить шесть томов. В два первые тома вошло всё включенное самим Гоголем в четыре тома прижизненного собрания сочинений (кроме „Невского проспекта“ и „Записок сумасшедшего“, выделенных из цикла повестей и помещенных в составе „Арабесок“); в третий том — „Мертвые души“ — часть первая и часть вторая в *ранней* редакции, в том четвертый — „Выбранные места из переписки с друзьями“; сюда же присоединены были вторая часть „Мертвых душ“ в позднейшей редакции, статья „О Современнике“, „Авторская исповедь“ вместе со связанным с ней „письмом к Жуковскому“⁶ и „Литургия“. В состав пятого тома вошли „Арабески“, а также всё несобранное Гоголем при жизни, но печатавшееся после его смерти в изданиях Трушковского, Кулиша или отдельно (как напр. статья „Борис Годунов“ и драматический отрывок, впервые опубликованные И. С. Аксаковым в 1881 г. в газете „Русь“, и „Введение в древнюю историю“, опубликованное в 1877 г. в „Новом Времени“). Впервые были включены в собрание сочинений рецензии Гоголя. Шестой том намечен был в следующем составе: 1) выдержки из записных книжек Гоголя, 2) все те цельные произведения, которые до сих пор оставались в рукописях (напр., „Учебная книга словесности“), 3) первоначальные редакции „Женитьбы“, „Ревизора“, первой части „Мертвых душ“ со всеми извлеченными из рукописей данными, объясняющими историю выработки этих произведений, 4) программы университетских лекций и наброски неоконченных произведений (см. Соч. Гоголя, 10 изд., т. I, стр. XXII).

Такой порядок произведений Гоголя определялся, по словам редактора, желанием приблизиться к плану, выработанному самим Гоголем. Но это касалось только произведений и даже только *текстов*, опубликованных самим Гоголем. Всё же неопубликованное печаталось Тихонравовым в самых разнообразных комбинациях, так например тексты „Ревизора“ разбиты по двум томам, а тексты „Мертвых душ“ — даже по трем.

Тихонравов успел полностью осуществить только пять основных томов издания: они вышли в течение 1889 года почти одновременно.⁷ Шестой том не был им закончен, но часть текстов, намеченных для него, была им опубликована отдельно в 1892 г. в двух брошюрах (Сочинения Гоголя. Извлечены из рукописей

ак. Тихонравовым. Вып. 1–2. М., 1892, изд. Э. Э. Гиппиуса). В первый выпуск вошли: „Непогода“, „Женихи“, „Дополнение к Развязке Ревизора“, „Сганарель“, выдержки из карманной записной книжки и вторая редакция „Ревизора“. Во второй выпуск — „Мертвые души“ — редакция, оконченная в Риме в 1841 г., — и статьи „Мериме“ и „Александр“.

Всё это, вместе с некоторыми еще рукописными текстами, составило два дополнительных тома 10-го издания. Редакционная работа, начатая Тихонравовым, была доведена до конца В. И. Шенроком. Тома VI и VII вышли в свет в 1896 г. — в издании А. Ф. Маркса.

Выход в свет в 1889 г. пяти первых томов десятого издания был событием не только в истории изучения Гоголя, но и в истории русского литературоведения в целом и текстологии в первую очередь. Это было научно-критическое издание в полном смысле слова, имевшее единственным прецедентом издание Державина, отредактированное Я. К. Гротом; однако издание Гоголя по сравнению с ним отличалось и большей полнотой, и большей тщательностью выполнения. Тихонравов привлек к делу все известные в его время рукописные и печатные источники гоголевских сочинений, и основной текст Гоголя был установлен им в результате изучения и сопоставления всех гоголевских текстов. Первоначальные редакции были им опубликованы — или намечены к публикации — отдельно, а варианты, как рукописные, так и печатные, сведены в примечаниях к каждому произведению, при чем своду вариантов всегда предшествуют комментарии редактора, иногда весьма обширные.

К своей задаче изучения гоголевского текста Тихонравов подошел вооруженный большим филологическим и в частности палеографическим опытом. При изучении гоголевских рукописей им тщательно учитывался каждый раз характер бумаги, водяные знаки, цвет чернил, изменения почерка. Это приводило его к твердым и хорошо обоснованным выводам о времени и последовательности гоголевской работы. Гоголевский почерк — в черновых текстах зачастую очень неразборчивый — Тихонравов прекрасно изучил, и если и оставлял наиболее трудные места неразобранными — очень редко ошибался в чтениях. Примечания Тихонравова к отдельным произведениям Гоголя имеют целью дать историю текста и обоснование датировок, но он не ограничивался при этом узко филологической стороной дела и нередко затрагивал гораздо более широкие темы историко-литературные и биографические (см. напр. примечания к „Тарасу Бульбе“, „Театральному разъезду“, статье „Исторический живописец Иванов“ и др.).

Тихонравов отнесся с особой тщательностью к задаче выработки основного текста Гоголя. Взяв в основу издание Трушковского — в частях, просмотренных Гоголем в 1851–1852 гг., — Тихонравов решил устранить из него не только ошибки, но и *произвольные поправки*, перешедшие из издания Прокоповича (за исключением, впрочем, тех случаев, когда Прокоповичем были исправлены „действительные“ ошибки Гоголя „против языка и грамматических правил“). Это был первый и во многом плодотворный опыт ревизии гоголевского текста, засвоенного произвольными поправками его редакторов.

Но оговорка, допущенная Тихонравовым — готовность принимать все исправления „действительных ошибок“ Гоголя — увлекла редактора на неверный путь, тем более, что в понятие „действительных ошибок“ влагалось им чрезвычайно широкое содержание: под категорию ошибок подводились разнообразные

случаи употребления слов, форм и синтаксических оборотов, необычных в литературном языке, а иногда и факты стилистического своеобразия Гоголя. Так, например, вслед за Прокоповичем Тихонравов изменяет „штаметовые“ юбки на „стаметовые“, „ридикюль“ на „ридикюль“, „стклянный“ на „стеклянный“, „обсмотрю“ на „осмотрю“, „прибыточный“ на „прибыльный“, „за одним разом“ на „одним разом“, „крутя головами“ на „качая головами“. Выражения „недействующих наций“... „женщина, ловящая человека“ (в „Риме“) Прокопович заменил более гладкими: „наций, пребывающих в бездействии“, „женщина что ловит человека“, и Тихонравов принял эти поправки, хотя „ошибок“ в строгом смысле слова здесь не было. В результате всех этих и подобных им поправок язык Гоголя становился бледнее, терял свою выразительность. Выравнивал Тихонравов, вслед за Прокоповичем, и порядок слов, не смущаясь тем, что от этих поправок существенно страдал ритм фразы. Так, в 4-й главе „Страшной мести“ Данило говорит у Гоголя: „А вот и турецкой игумен влазит в дверь! проговорил он сквозь зубы, увидя нагнувшегося, чтобы войти в дверь, тестя“. Прокопович не только изменил „влазит“ на „лезет“, но и педантично поправил: „увидя тестя, нагнувшегося чтобы войти в дверь“. В результате два соседних предложения оказались „рифмованными“: оба оканчиваются словами „в дверь“. Тихонравов сохранил и эту поправку Прокоповича.

Совершенно недопустимыми надо признать, конечно, и вытравливанья украинизмов — особенно из тех произведений, где они имеют определенную стилистическую функцию. Так, в „Тарасе Бульбе“ выражение „почул“, „выпустил дух“ заменяются на „почуял“, „испустил дух“. Столь же недопустимые исправления сделаны Прокоповичем — и санкционированы Тихонравовым — в репликах действующих лиц, когда самая „неправильность“ оборота могла входить в задание языковой характеристики персонажа. Утешительный в „Игроках“ говорит: „Подобное искусство не может приобрести, не быв практиковано от лет гибкого юношества“. Прокопович, а за ним Тихонравов выправляют: „Подобное искусство не может быть приобретено без практики в лета гибкого юношества“.

Все эти примеры, число которых могло бы быть значительно увеличено, показывают, что Тихонравов, по существу, стоял на тех же редакционных позициях, что и Прокопович, и если в иных случаях и возвращался к гоголевскому словоупотреблению и к гоголевскому порядку слов, отвергая поправки Прокоповича, то это свидетельствует лишь о недостаточной последовательности, проявленной им в решении данного вопроса.

Кроме того, как это выяснил Н. И. Коробка в статье „Судьба гоголевского текста“, ⁸ — Тихонравов допустил и другие редакционные ошибки. В ряде случаев он без достаточных оснований вводил в основной текст дополнения из черновых рукописей, объясняя, очевидно, пропуском писца (а может быть и „ошибкой“ Гоголя) те отличия печатного текста, которые на самом деле могли быть результатом новой правки самого Гоголя. „Характер этих вставок различен“ — писал Н. И. Коробка — „иногда вставляются отдельные выброшенные Гоголем слова, которые кажутся Тихонравову нужными для грамматической и логической законченности фразы, иногда целые выброшенные Гоголем фразы, вставка которых придает языку большую точность, но вместе с тем и прозаичность“. Так, например, реплика Оксаны „Разве хочется, чтоб выгнала за дверь лопатую?“ дополняется по рукописи: „Разве хочется, чтобы я выгнала *тебя* за